

УДК 304.2+303.01

СООБЩЕСТВО КАК ОБЛАСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ДВА ПУТИ ОПИСАНИЯ

Наталья Полтавцева

Институт «Русская антропологическая школа»
Российского государственного гуманитарного университета,
Миусская пл., 6, Москва, Россия, 125993
natalypol@gmail.com

В статье предпринята попытка рассмотреть два пути работы современной науки и философии с актуализованным в 60-е – 70-е годы XX века понятием «сообщество». Оно рассматривается автором как область обладающего набором определенных характеристик маргинального социокультурного пространства, где скапливаются человеческие сингулярности. В зависимости от того, с каких позиций оно анализируется и какие коды при этом используются, это понятие становится источником для предположений о его новых возможностях – как на путях исследования микро и макропроцессов, так и на путях деконструкции метафор и поиска «следов».

При этом выясняется, что с целью уменьшения культурной неопределенности с разных методологических позиций практически в одно и то же время в науке и философии описывалась одна и та же мало изученная на тот момент маргинальная область социокультурного пространства. В свою очередь, это определяло и разность языков описания. Предложенная нами метафора «электрического поля» является попыткой через введение комплементарного понятия увидеть и общность поисков, и общность проблемы. Этим же целям служит и «перевод» формулировки задач исследований с языка «классики» на «постклассический» и наоборот, как бы осуществляя двойную реинтерпретацию.

Ключевые слова: «невидимые колледжи», «воображаемые сообщества», наукознание, постструктурализм, социокультурное пространство, «скопления», метафоры деконструкции, «следы».

Гипотеза данной статьи состоит в следующем: к уменьшению культурной неопределенности (т.е. к исследованию новых проблемных областей) в шестидесятые-семидесятые годы двадцатого века социальные и гуманитарные науки шли двумя путями – путем классической науки и постклассическим образом. Это время характеризовалось также ревизией таких принципов Модерна, как тотальное единство мира (холизм), центризм, каузальность и др., что привело к появлению концепта *воображаемая (конструируемая) реальность*, и разграничению понятий *воображаемого* и *символического*, трактуемых уже с позиций складывающейся новой парадигмы.

В этой работе мы попытаемся рассмотреть, отдельные моменты того, как происходит движение от науковедческого определения понятия «сообщество» к постструктуралистскому. При этом возникает своеобразная комплементарная диффузия, основанная на том, что запрос современности, на наш взгляд, связан с необходимостью комплементарного, т.е. взаимодополнительного инструментального взаимодействия этих понятий.

Наукознание занялось при этом проблемой *невидимых колледжей*, а постструктуралисты – проблемой *воображаемых сообществ*. Но в сущности

описывалась – и в этом состоит авторская позиция – одна и та же мало изученная область «скоплений» человеческих сингулярностей – произвольно меняющееся и институционально неопределенное маргинальное социокультурное пространство очередной промежуток между исследованным и неисследованным. Причем в первом случае его пытались описать в терминах «нормальной науки», вполне адекватно новой волне сциентизма, а во втором – в метафорах, еще не отвердевших в термины, науки и философии постклассической.

Пожалуй, идя по пути метафорических определений, пространство это можно «схватить» при помощи метафоры «электрического поля», развив ее и дальше. При этом важным для нас оказывается проводимое в современных исследованиях разграничение понятий социального и культурного пространства и теоретическое объединение позиций в модели социокультурного пространства. «Социокультурное пространство формируется через воспроизводимые формы антропологически и/или общественно значимых, т.е. стереотипных ситуаций, характеризующихся двумя уровнями – взаимодействия и коммуникации. На каждом из них такие ситуации определяются целым рядом теоретических концептов, выражающих их структурно-функциональную специфику» [13, 537].

Так, «незримый колледж», детище наукознания, тогда может быть описан следующим образом: наэлектризованные чем или кем-либо – личностью, проблемой, идеей – ученые собираются в «невидимые колледжи» по переписке, по личным неофициальным контактам во время официальных научных мероприятий, по публикациям в научных журналах, иногда объединенные вначале тематически волей редакции в одном номере, а затем уже по своей воле – слежением за решением актуализированной проблемы в мировом научном пространстве, и т.п.

Частично в этом присутствуют черты того, что называют «сообществом» как в общесоциологическом, так и в специфически постструктуралистском смысле. Однако в первом случае все же выделяются и акцентируются черты классической «малой группы»-сообщества, хотя и не институализированной официально, такие как а) коммунальность, б) квазисемейственность, в) территориальность (замещенная позднее на социокультурную территориальность) [17; 19; 16].

Во втором же – предметом внимания оказывается сама размытость границ, неинституциональность объединения, некоторая внутренняя при всем том «принадлежность» друг другу членов сообщества, не похожая ни на коллективную, ни на классическую групповую идентичность (На это обратил в свое время внимание М.К. Петров) [14].

Сюда же относятся мобильность переброски авангарда и подтягивания арьергарда к «болевым точкам» проблемного поля, мгновенная концентрация вокруг них и такое же мгновенное распадение, ощущение возможности обладания общим «коллективным воображаемым» – представлениями о чертах и качествах искомого в идеализированном общетипическом виде, видением

целей и задач сообщества исключительно в связи с будущим символическим обладанием «совокупным символическим продуктом» и т.п. [1; 5]. При этом с подобных позиций можно описать и феномен «воображаемых колледжей». (См. определение «невидимого колледжа», данного исключительно с позиций «нормальной науки» как протоморфа новой научной дисциплины или нового научного направления у Э. Мирского: «Невидимый колледж, не институционализируемая группа исследователей, согласованно работающая над общей проблематикой. Термин, введенный в науковедение Д. Берналом, был развернут Д. Прайсом в гипотезу о “невидимых колледжах” как коммуникационных объединениях, имеющих определенную, достаточно устойчивую структуру, функции и объем.

Гипотеза о “невидимом колледже” была в 60-е – 70-е гг. подвергнута тщательному эмпирическому исследованию (С. Кроуфорд, Д. Крэйн, Н. Маллинз, Б. Гриффит и др.) с неожиданно серьезными результатами.

В ходе исследований не только подтвердилось наличие групп с совершенно определенными и достаточно устойчивыми параметрами, но и выяснились структурные, динамические закономерности развития таких групп как общей формы становления новых исследовательских направлений и специальностей.

При этом отчетливо выделяются четыре фазы, через которые проходит научная специальность в своем становлении, Нормальная фаза. Это период относительно разрозненной работы будущих участников и их небольших групп (часто группы аспирантов во главе с руководителем) над близкой по содержанию проблематикой.

Общение идет, в основном, через формальные каналы, причем его участники еще не считают себя связанными друг с другом внутри какого-нибудь объединения. Эта фаза в истории специальности конструируется ретроспективно только в тех случаях, когда новая специальность сформировалась. Нормальная фаза часто завершается опубликованием “манифеста”, в котором содержатся в общих чертах программа разработки проблематики и оценки ее перспективности.

Фаза формирования и развития сети характеризуется интеллектуальными и организационными сдвигами, приводящими к объединению исследователей в единой системе коммуникаций. Как правило, новый подход к исследованию проблематики, сформулированный лидером одной из исследовательских групп, вызывает взрыв энтузиазма у научной молодежи и приводит под знамена лидера определенное число сторонников, но в то же время этот подход еще не получает признания в дисциплинарном сообществе в целом. Участники формируют сеть устойчивых коммуникаций.

Фаза интенсивного развития программы нового направления за счет действий сплоченной группы, которую образуют наиболее активные участники сети коммуникаций. Эта группа формулирует и отбирает для остронаправленной разработки небольшое число наиболее важных проблем (в идеальном случае одну проблему), в то время как остальные участники сети получают оперативную информацию о каждом достижении новой группировки,

ориентируются на нее в планировании своих исследований и обеспечивают тем самым разработку проблематики по всему фронту.

Фаза институционализации новой специальности. Научные результаты, полученные сплоченной группой, обеспечивают новому подходу признание сообщества, возникают новые направления исследований, базирующиеся на программе сплоченной группы. При этом, однако, сплоченная группа распадается, ее бывшие члены возглавляют самостоятельные группировки, каждая из которых разрабатывает по собственной программе группу специальных проблем. Специальность получает формальные средства организации (журналы, библиографические рубрики, кафедры, учебные курсы, секции в профессиональных ассоциациях и т.п.), и отношения внутри нее снова переходят в нормальную фазу.

В каждой фазе развития “невидимого колледжа” самосознание участников формирующейся специальности претерпевает изменения следующим образом: романтический период (по времени совпадающий с нормальной фазой развития специальности); догматический (по времени совпадающий с фазой коммуникационной сети и сплоченной группы); академический (фаза специальности).

В настоящее время специальному исследованию подвергается уже не гипотеза о “невидимом колледже”, а конкретные данные о становлении научных специальностей и коммуникационных структур» [11].

Ко второму случаю метафорического описания относятся и могут служить примером проработки понятия «воображаемое сообщество» в уже ставших классическими работах Андерсона и Бланшо. Причем если ранее мы старались «перекодировать» описание сциентистского «воображаемого колледжа» с позиций постструктуралистских, то у Андерсона и Бланшо мы попробуем увидеть в их описаниях «воображаемых сообществ» черты сообщества, выделяемые социологами и науковедами.

Проработка понятия «сообщество» у Бланшо и Андерсона.

Так, Андерсон, работая с концептом «нация», сделал его примером понятия «сообщество» в постструктуралистском смысле этого слова, описав его как «воображаемое сообщество» при помощи метафор *перепись, карта, музей*, отождествленных автором с институтами власти и одновременно являющихся средствами структурирования воображения и особым стилем представления позднеколониальным государством своих владений.

Главным в этом процессе Андерсон считает тотализующую классификационную разметку и сериализацию [3]. Баньковская резюмирует, что Андерсон дал детальное описание грамматики процесса выстраивания исторического националистического нарратива как процесса «воображения нации» на примере развития переписи, картографии, музея. При этом, как мы считаем, следует непременно обратить внимание на преобразованные, но все еще узнаваемые признаки классического сообщества: за *тотализующей*

классификационной разметкой и серизацией стоят их социологические предшественники – *типологизация* и *стратификация*.

В процессе исследования сам национальный язык, его исторический нарратив становится для Андерсона тем социокультурным пространством, в котором создается «совокупный символический продукт» «воображаемого сообщества». В качестве своих предшественников, оказавших то или иное влияние на его работу, он справедливо называет Э. Ауэрбаха [2], В. Беньямина [4], В. Тернера [15].

Как считает сам Андерсон, он обращается к *нации* как концепту, ставшему поиском нового способа осмысленно связать воедино *братство*, *власть* и *время*, причем на ускорение этих поисков, по его мнению, повлиял так называемый «печатный капитализм», или феномен «галактики Гуттенберга», отразивший в себе развитие *печати-как-товара* и влияние *протестантизма*, способствовавшего спонтанному развитию национальных языков.

Отсюда проистекает данное Андерсоном следующее определение нации: «...это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как нечто неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [1], а его истоками объявляются религиозное сообщество и династическое государство (т.е. выделенные нами такие черты сообщества, как коммунальность, квазисемейственность (солидарность) и территориальность, также здесь присутствуют).

Для Андерсона нация и национализм – это аналитические категории, появление которых связано с изменениями в способах восприятия мира.

Как пишет Баньковская, нация в такой трактовке выступает как новый, характерный для современного общества способ связывать воедино, в целостном восприятии язык, пространство, время, человеческую солидарность [3]. Т.е., переводя разговор в интересующую нас плоскость, можно сказать, что старое качество коммунальности здесь соединяется со спецификой работы механизмов социокультурного пространства.

Являясь своеобразным «скрытым ответом» на известную книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Воображаемые сообщества» Андерсона дают некую неоккоммунистически-постструктуралистскую версию работы с преобразенными старыми понятиями.

Еще один пример подобного подхода предстает перед нами в книге М. Бланшо «Неописуемое сообщество». Построенная как вольный диалог с текстами Ж. Батая и М. Дюра, она, тем не менее, в эксплицитной форме также имеет дело с такими понятиями, как *коммунальность* (вводя понятие «неполноценный» как определение члена негативного сообщества для осуществления механизма восполнения через вхождение – и нахождение! – в сообщество(е); *квазисемейственность* (рассматривая сквозь метафоры «смерть Другого» и «сближение с умирающим» некую идеальную форму солидарности) *территориальность* (где зажатым между двумя метафорическими полюсами – *народом* и *миром любовников* – находится идеальное социокультурное

пространство мая 68-го). Прибегнем к методу медленного чтения, так называемому close-reading, весьма доказательному в данном случае.

Так, Бланшо пишет: «Май 68-го доказал, что без всякого умысла, безо всякого заговора, в обстановке случайной и счастливой встречи, этакого праздника, расшатывающего принятые или чаемые социальные формы, может самоутвердиться (по ту сторону обиходных видов утверждения) взрывное сообщество, позволяющее каждому, невзирая на класс, пол, возраст и культуру, завязать дружеские отношения с первым встречным как с давно любимым существом, именно потому что он является знакомым незнакомцем» [5].

От постструктуралистской деконструкции Бланшо переходит к апологии деструкции старых форм, призывая к разрушению «апатичного общества», к «бесконечности забвения», к «сообществу тех, кто лишен сообщества». Именно здесь, по его мнению, мы «... касаемся предельной формы общностного опыта, после которого нам будет нечего сказать, потому что он должен познаваться в полном незнании самого себя» [5]. Так, Бланшо утверждает, что сообщество не является редуцированной формой общества потому что оно не стремится к общностному слиянию. По его мнению, сообщество ... в противоположность любой социальной ячейке, не соотносит себя с производством и не ставит перед собою никаких производственных целей. Цель сообщества, по мнению Бланшо, состоит в «... оказании помощи другому даже в миг его смерти, чтобы этот другой не отошел в одиночку, а почувствовал поддержку и в то же время сам оказал ее другому» [5].

(Следует отметить, что как продолжение подобных размышлений «по аналогии» у нас возникает естественное сравнение современного сетевого социокультурного пространства (в котором также происходит открытие для быстро растущего числа людей возможности осознать самих себя и связать себя с другими людьми принципиально новыми способами) с влиянием *интернет-пост-неоимпериализма* (термин автора статьи – *Н.П.*).

При этом – по Бланшо – главная черта и позитивный смысл сообщества заключается в его существовании «без всякого умысла», спонтанно и непредсказуемо. «Безо всякого умысла»: вот тревожная и одновременно счастливая примета неподражаемой общественной формации, неуловимой, не призванной к выживанию, к обустройству даже с помощью бесчисленных «комитетов», которые симулировали видимость порядка-беспорядка, расплывчатых умозрительных построений. Во всем этом – одна из главных примет истинного сообщества: когда оно распадается, его участники испытывают впечатление, будто оно никогда и не существовало, даже если на самом деле это было вовсе не так» [5].

Бланшо, например, считает, что именно в неуловимости определением, невозможности быть схваченным логическим разумом и состоит истинная сила сообщества, всегда непредсказуемого в том, когда и зачем оно возникнет, а его отказ от самоартикуляции – доказательство не столько неведения, сколько огромного потенциала и новых, неизведанных возможностей. Так, он утверждает, что «Опороченные или не оправдавшие надежд концепции

перестают существовать, тогда как понятия, «неприемлемые» без их вольного или невольного самоотказа (что неравнозначно простому отрицанию), не позволяют нам отринуть их, или непризнать. Хотим мы этого или не хотим, мы обращаемся к ним именно по причине их несостоятельности» [5]. В доказательство этого «возвратного», т.е. истинно *ре-волюционного* тезиса он обращается к вполне постмодернистской интерпретации-актуализации известного тезиса Людвиг Витгенштейна:

«...Вспомним чересчур знаменитое и не в меру изжеванное изречение Витгенштейна: “О чем невозможно говорить, о том следует молчать”. Оно означает, что, поскольку, произнося его, философ не смог предписать молчание себе самому, то, в конечном счете, нужно говорить хотя бы для того, чтобы помалкивать. Но что именно говорить? Вот один из вопросов, которые эта книжица переадресовывает другим не столько для того, чтобы они на него ответили, сколько для того, чтобы постарались задуматься над ним, а может быть, и чем-то его дополнить. Тогда в нем отыщется, к примеру, какой-то животрепещущий политический смысл, призывающий нас не оставаться равнодушными к современности, которая, открывая перед нами неведомые пространства свободы, возлагает на нас ответственность за новые отношения, такие хрупкие и такие долгожданные, – отношения между тем, что мы называем творчеством, и тем, что мы называем праздностью» [5].

И Бланшо, и Андерсон дают нам прекрасный пример того, как «самоотказ» старых понятий приводит к появлению нового культурного кода, работающего все в той же мало изученной области «скоплений» человеческих сингулярностей – произвольно меняющемся и институционально неопределенном маргинальном социокультурном пространстве, открытом благодаря этим своим качествам для нетривиальных «ходов» разума.

Итак, подводя некоторые итоги, можно сказать, что с целью уменьшения культурной неопределенности с разных методологических позиций практически в одно и то же время в науке и философии описывалась одна и та же мало изученная на тот момент маргинальная область социокультурного пространства. В свою очередь, это определяло и разность языков описания. Предложенная нами метафора «электрического поля» является попыткой через введение комплементарного понятия увидеть и общность поисков, и общность проблемы. Этим же целям служит и «перевод» формулировки задач исследований с языка «классики» на «постклассический» и наоборот, как бы осуществляя двойную реинтерпретацию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества : размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаев ; ред. С. П. Баньковская; вступ. ст. С. П. Баньковской; Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. – М. : Кучково поле, 2016. – 416. с.

2. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности западноевропейской литературе / Э. Ауэрбах: [пер. с нем. А.В. Михайлов, Ю.И. Архипов]. – М., Спб: Университетская книга, 2000. – 511 с.

3. Баньковская С.П. Воображаемые сообщества как социологический феномен / С.П. Баньковская // Воображаемые сообщества : размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаев ; ред. С. П. Баньковская; вступ. ст. С. П. Баньковской; Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. – М. : Кучково поле, 2016. – С. 5-11.
4. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы / Вальтер Беньямин. – М.: Аграф, 2002. – 288 с.
5. Бланшо М. Неопишное сообщество [Цитируется по электронной версии] / Морис Бланшо ; Пер. Ю. Стефанова. – М.: Московский философский фонд, 1998. – 80 с. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/blansho/01.php.
6. Бурдые П. Социология социального пространства / Пьер Бурдые; Серия: Gallicinium. Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007 г. – 288 с.
7. Деррида Жак. О грамматологии [Текст] = De la grammatologie : перевод с французского / Ж. Деррида ; вступит. ст. Н. С. Автономова. – М.: Ad Marginem (Ад Маргинем), 2000. – 511 с.
8. Кун Т. Структура научных революций / Томас Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
9. Манхейм К. О специфике культурно-социологического познания Карл Манхейм // Он же. Избранное. Социология культуры / Карл Манхейм; пер. с нем. А.В. Дранова. – М., Спб. : Университетская книга, 2000. – С. 234-332.
10. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура : [перевод с английского] / Р. К. Мертон ; науч. ред. З. В. Каганова. – Москва : АСТ : АСТ МОСКВА : Хранитель, 2006. – 874 с. – (Социология).
11. Мирский Э.М. «Невидимые колледжи» [Цитируется по электронной версии] / Э.М. Мирский // Новая философская энциклопедия в 4-х т.- М.: Мысль, 2010. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2027.html>.
12. Налимов В.В. Облик науки / В.В. Налимов; Центр гуманитарных инициатив. – СПб.; М.: Издательство МБА, 2010. – 368 с.
13. Орлова Э.А. Социология культуры / Э.А. Орлова. – М.: Академический Проект; Киров: Константа, 2012. – 576 с.
14. Петров М.К. Самосознание и научное творчество истории наук и философии / М.К. Петров. – Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 1992. – 272 с.
15. Тэрнер В. Символ и ритуал / Виктор Тэрнер. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
16. Chubin D.E. Sociology of Science: an annotated bibliography on invisible colleges. 1972-1981 / D.E.. Chubin. – New York: Garland, 1983. – 202 p.
17. Crane Diana. Invisible colleges. Diffusion of knowledge in scientific communities / Diana Crane. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1972. – 213 p.
18. Crane Diana. Testing the «Invisible College» Hypothesis [Electronic resource] / Diana Crane // Science and the Society. – 2011 – Sunday, November 20, 0 – P. 335-352. – Mode of access: <http://www.rvm.gatech.edu/bozeman/rp/read/41401.pdf>
19. Price D. S. Little science, big science / Derek John de Solla Price. – New York: Columbia University Press, 1963. – 119 p.
20. Wagner C. The New Invisible College: science for development / Caroline S. Wagner. – Washington, D.C.: Brooking Institution, 2008. – 157 p.

СПІЛЬНОТА ЯК ЦАРИНА СОЦІОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТОРУ: ДВА ШЛЯХИ ОПИСУ

Наталія Полтавцева

У статті вчинено спробу розглянути два шляхи роботи сучасної науки й філософії з актуальним у 60-ті – 70-ті роки ХХ століття поняттям «спільнота». Це поняття авторка розглядає як царину наділеного набором визначених характеристик маргінального соціокультурного простору, де скупчуються людські сингулярності. Залежно від того, з

яких позицій його аналізують і які коди підлягають використанню, це поняття перетворюється на джерело припущень про його нові можливості – як на шляхах дослідження мікро й макропроцесів, так і на шляхах деконструкції метафор і пошуку «слідів».

При цьому виявляється, що з метою зменшення культурної невизначеності з різних методологічних позицій практично в один час в науці й філософії описувалась одна й та сама мало вивчена на той момент маргінальна царина соціокультурного простору. Своєю чергою, це визначало й різність мов опису. Запропонована в статті метафора «електричного поля» – це спроба через введення компліментарного поняття побачити й спільність пошуків, і спільність проблеми. Цій меті слугує і «переклад» формулювання завдань досліджень із мови «класики» на «посткласичну» і навпаки, мовби здійснюючи подвійну реінтерпретацію.

Ключові слова: «невидимі коледжі», «уявні спільноти», наукознавство, постструктуралізм, соціокультурний простір, «скупчення», метафори деконструкції, «сліди».

COMMUNITY AS THE SOCIOCULTURAL- SPACE- LOCUS: TWO WAYS OF THE DESCRIPTION

Natalia Poltavtseva

The paper attempts to examine two ways of the modern science and philosophy using the term «community», which was actualized in the 60-70th years of the twentieth century. According to the author, there is the original area of social and cultural space where the different human singularities congregate to each other, with a set of specific characteristics. Depending on the position of analyzing and codes for symbolizing this concept becomes a source of the interesting speculation of new opportunities - both as on the studies of micro and macro processes, so as on the ways of the deconstruction of the metaphors and searching for «traces».

At the same time it appears that in order to reduce the cultural uncertainty, using different methodological positions, in the science and philosophy there was described the same not- well - studied marginal area of social and cultural space. In turn, it is determined the difference between description languages. «Electric field»- metaphor offered by the author is an attempt to see and analyse the problems by the introduction of complementary concepts. The «translation» of the research problems from one symbolic code (classical) to another (postclassical) has the same reason. So we have the so- called act of «double re-interpretation».

Key words: «invisible colleges», «imagined communities», naukoznanie, post-structuralism, socio-cultural space, «clusters», the metaphors of deconstruction, traces.

Стаття надійшла до редакції 27.02.2017
Прийнято до публікації 25.03.2017